

XIX. У РУЛЯ „СОВРЕМЕННОКА“

Литературные противники Чернышевского неоднократно пытались расстроить союз его с Некрасовым, посеять между ними рознь. Это было необходимо им для того, чтобы добиться удаления Чернышевского из «Современника».

Весною 1856 года В. П. Боткин¹ убеждал Некрасова передать критический отдел журнала в ведение Аполлона Григорьева. Он писал Некрасову, что А. Григорьев согласится «взять на себя всю критику «Современника», но с условием, чтобы Чернышевский не участвовал в ней»

Уже вскоре после начала постоянного сотрудничества Чернышевского в журнале среди либерально настроенных литераторов, поддерживавших сношения с Некрасовым, стали раздаваться голоса, обвинявшие Чернышевского в стремлении «перессорить журнал со всеми сотрудниками». Более других усердствовал в этом отношении консервативный критик-эстет Дружинин, которому претил «боевой дух» великого просве-

¹ В. П. Боткин — либеральный критик и публицист, прикнувший в шестидесятые годы к лагерю крайней реакции.

тителя. Его возмущала непоколебимая верность заветам Белинского, провозглашенная автором «Очерков гоголевского периода». Неуклонно возрастающее влияние Чернышевского на общий тон «Современника» заставило Дружинина переключиться из некрасовского журнала в другие печатные органы. Уязвленный своим поражением внутри «Современника», он стремился теперь при всяком удобном случае противопоставить «обветшалым», с его точки зрения, традициям Белинского свою теорию «чистого искусства», свободного от служения обществу и далекого от живых интересов современности.

Нечего и говорить, что попытки эти в конечном счете были обречены на полный провал, хотя выступления Дружинина против Чернышевского одно время пользовались сочувствием даже таких крупных писателей, как Лев Толстой и Тургенев. Революционный образ мыслей Чернышевского был чужд им, и логика борьбы толкала их на союз с Дружининым, несмотря на то, что творческая деятельность этих писателей-реалистов никак не могла служить опорой для теории «чистого искусства», проповедуемой критиком-эстетом. Характерно, что Дружинин до конца жизни остался верен своим узким взглядам, а Лев Толстой сложными и противоречивыми путями приблизился впоследствии к пониманию огромного значения основных принципов, заложенных в «Эстетических отношениях» Чернышевского.

В 1896 году Лев Толстой был буквально «поражен», когда Стасов напомнил ему однажды то «великое слово», которое Чернышевский провозгласил еще в 1855 году в своих «Эстетических отношениях», что «искусство есть та человеческая деятельность, которая произносит суд над жизнью».

Но в пятидесятые годы Толстой в своих теоретических взглядах на литературу и искусство еще стоял на позициях, близких к позициям Дружинина. Недаром он лелеял тогда мысль об издании журнала, который отстаивал бы «вечное, независимое от случайного, одностороннего и захватывающего политического влияния».

О диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» и несколько позднее об «Очерках гогаевского периода» Толстой отзывался отрицательно и выражал Некрасову сожаление, что Чернышевский играет в «Современнике» столь видную роль. В эти годы у будущего великого выразителя «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции»¹, Некрасов видел еще «следы барского и офицерского влияния» и замечал: «Жаль, если эти следы... не переменятся, в нем пропадет отличный талант!»

Уход Дружинина из «Современника» вызывает у Толстого сожаление. «Нет, вы сделали великую ошибку, что упустили Дружинина из нашего союза», — писал он Некрасову 2 июня 1856 года, разражаясь далее выпадами против Чернышевского.

Некрасов откровенно выражал свое несогласие с Толстым. «О том, что в Ваших письмах, хотел бы поговорить на досуге, — писал он Толстому летом 1856 года. — Но ни с чем я не согласен. Особенно мне досадно, что вы так браните Чернышевского. Вам теперь хорошо в деревне, и Вы не понимаете, зачем злиться, Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отно-

¹ В. И Ленин Сочинения, т. 15, стр. 183.

щения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости — у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, — то-есть больше будем любить — любить не себя, а свою родину...»

Отрицательно относился к новому направлению «Современника» и Тургенев, хотя тогда ему не во все чуждо было диалектическое понимание развития и задач литературы. «Бывают эпохи, где литература не может быть *только* художеством, а есть интересы, высшие поэтических интересов, — писал он Боткину в 1855 году. — Момент самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни отдельного лица». Тургенев не примкнул к лагерю защитников чистого искусства, но, занимая промежуточную позицию, он колебался, и его отношение к спору между ними и лагерем разночинцев-демократов было все время двойственным. С одной стороны, для него был неприемлем эстетический кодекс революционных демократов, в частности «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевского. С другой стороны, Тургенев как будто готов был признать в какой-то мере историческую правоту движения будущих шестидесятников. В письме к Дружинину он указывает, что Чернышевский «понимает... потребности действительной современной жизни... я почитаю Чернышевского полезным: время покажет, был ли я прав».

Вместе с тем он часто терял равновесие, раздражался, был явно несправедлив и пристрастен к «мужицким демократам». Отзывы Тургенева о поэзии Некрасова противоречивы. То ему казалось, что «собранные в один фокус» стихи Некрасова «жгутся», то он утверждал,

что поэзия в них и не ночевала. То он готов сказать, что «струны его поэзии в сущности хорошие струны», то он резко нападал на поэта «мести и печали».

В этой двойственности, клонящейся к отрицанию, а не к признанию, сказались дворянский либерализм, ограниченность политического кругозора, социальная отчужденность Тургенева от демократов-разночинцев.

Отрицая эстетику Чернышевского и поэзию Некрасова, он совершал историческую ошибку. Политические идеалы Тургенева, отсталые по сравнению с идеалами Белинского и Герцена и особенно Чернышевского и Добролюбова, ослепляли его критическое чутье. Он не признал в Чернышевском замечательного критика, а в Некрасове великого поэта, потому что оба они были борцами за дело крестьянской революционной демократии.

Положение Некрасова как редактора становилось все более затруднительным. Он должен был заботиться о том, чтобы закрепить исключительное участие в своем журнале виднейших писателей того времени — И. Тургенева, Льва Толстого, А. Островского, Д. Григоровича, хотя понимал, что разрыв с ними станет рано или поздно неизбежным, поскольку в критико-публицистической части журнала неуклонно осуществляется Чернышевским революционно-демократическая программа, которой они не могли сочувствовать.

Идейная близость Некрасова к Чернышевскому сказалась в том, что он не только не пошел навстречу пожеланиям противников своего молодого сотрудника, но, напротив, уезжая надолго для лечения за границу в августе 1856 года, передал ему свои редакторские права, подчеркнув этим полную солидарность с ним.

Николай Гаврилович, зная заранее, что в связи с отъездом Некрасова ему придется работать день и

ночь, предложил жене провести это лето с сыном Александром у родных в Саратове.

Некрасов накануне своего отъезда обратился к Чернышевскому с официальным письмом: «Уезжая на долгое время, прошу Вас, кроме участия Вашего в различных отделах «Современника», принимать участие в самой редакции журнала и с ним передаю Вам мой голос во всем касающемся выбора и заказа материалов для журнала, составления книжек, одобрения или неодобрения той или другой статьи и т. д. так, чтоб ни одна статья в журнале не появлялась без Вашего согласия, выраженного надписью на корректуре или оригинале».

По особому условию, заключенному с Некрасовым, Чернышевский должен был, кроме общего руководства журналом, писать статьи для отделов критики и библиографии и заведовать этими отделами, составлять статьи для отдела наук, смеси и иностранных известий, писать обзоры журналов, читать вторые корректуры всего «Современника» и заготавливать для него материалы.

За короткий срок — всего полтора года сотрудничества в «Современнике» — Чернышевский, не имевший прежде никакого опыта в журнальной работе, настолько хорошо освоился с ней, что Некрасов спокойно мог поручить ему не только идейное руководство лучшим журналом в России, но и всю сложную, многообразную работу по редактированию. Денежная сторона этого важного соглашения была определена следующим образом: «Г-ну Чернышевскому получать 3 000 руб. серебром в год, т. е. по 250 р. сер. в месяц, а расчет производить в конце года по листам за статьи».

Либеральная часть сотрудников «Современника» была крайне раздражена решением Некрасова, которое окончательно определило переход журнала на позиции революционной демократии.

И Чернышевский с большим тактом повел дело в этой трудной обстановке. Нисколько не поступаясь основным направлением журнала, он хотел в то же время уберечь таких писателей, как Тургенев, Толстой и другие, от влияния реакционных критиков, стремился, насколько это было возможно, направить их творческую силу на разрешение тех исторических задач, какие вставали перед русской литературой на новом этапе ее развития.

Но одно из мероприятий Чернышевского-редактора все же оказалось, против его ожидания, неудачным и имело немаловажные последствия в жизни журнала. Он навлек беду на «Современник» неосторожным поступком, связанным с выходом в свет книги «Стихотворения» Н Некрасова, которая появилась в продаже во время пребывания поэта за границей. Дело заключалось в следующем

Когда осенью 1856 года появилась упомянутая книга, Чернышевский, чрезвычайно высоко ценивший творчество великого поэта, решил написать о ней обширную статью. Он считал, что Некрасов выпустил «книгу, какой не бывало еще в русской литературе». Однако высказать свое мнение о стихотворениях Некрасова на страницах «Современника» он полагал неудобным в силу того, что Некрасов был редактором этого журнала, а переговоры с редактором «Библиотеки для чтения» Дружининым о помещении предполагаемой статьи оказались безрезультатными. Дружинин уклонился от положительного ответа на предложение Чернышевского под тем предлогом, что он сам будто бы уже написал для «Библиотеки» статью о стихотворениях Некрасова

Тогда Чернышевский решил напечатать в «Современнике» хотя бы краткое известие о выходе собрания

стихотворений Некрасова, не давая им никакой оценки и не говоря даже об исключительном сочувствии, с каким она была встречена читателями.

В одиннадцатой книге «Современника», в отделе «Новые книги», появилась коротенькая информационная заметка, написанная Чернышевским:

«СТИХОТВОРЕНИЯ Н. НЕКРАСОВА». МОСКВА. 1865.

Читатели, конечно, не могут ожидать, чтобы «Современник» представил подробное суждение о «Стихотворениях» одного из своих редакторов. Мы можем только перечислить здесь пьесы, вошедшие в состав изданной теперь книги. Вот их список... Читатели заметят, что многие из этих пьес не были еще напечатаны. Некоторые из бывших напечатанными являются ныне в виде более полном, нежели как были напечатаны прежде».

Если бы Чернышевский ограничился только этой информацией, то она, разумеется, не вызвала бы в дальнейшем никаких осложнений. Но он решил, кроме того, перепечатать из сборника в журнале наиболее сильные по своей революционной направленности произведения Некрасова. Заканчивая заметку, Чернышевский писал: «Из тех, которые не были напечатаны, мы приведем здесь пьесы: «Поэт и гражданин», «Забывтая деревня», «Отрывки из записок графа Гаранского» (далее следовал текст этих обширных стихотворений, в которых поэт с особенной остротой обличал крепостнический строй царской России).

Перепечатка эта, подчеркнувшая как революционный характер поэзии Некрасова, так и общественно-политическую позицию его журнала, дала повод ярым крепостникам, врагам «Современника», поднять невероятный шум вокруг этой истории. Некоторые подробности ее до сих пор неизвестны. О существе дела в гер-

ценовском «Колоколе» (1 августа 1857 года) говорилось так: «...аристократическая сволочь нашла в книжке какие-то революционные возгласы, чуть не призыв к оружию. Русское правительство, изволите видеть, боится стихов:

Иди в огонь за честь отчизны,
 За убеждение, за любовь,
 Иди и гибни безусловно —
 Умрешь недаром: дело прочно,
 Когда под ним струится кровь.

Это сочли чуть не адской машиной, и снова дали волю цензурной орде с ее баскаками. Какое жалкое ребячество!»

Сам Чернышевский не придал сначала серьезного значения шуму, поднятому реакционерами. «Пройдет два-три месяца, и эта история забудется», — говорил он. Но вскоре ему пришлось убедиться, что перепечатка стихотворений Некрасова в журнале повлекла за собою весьма тяжелые последствия. «Книга «Стихотворений», — рассказывает он в воспоминаниях о Некрасове, написанных много лет спустя, — не попала бы в руки тех любителей и любительниц сплетен, которые подняли шум и заставили официальный круг удовлетворить их требованию. Это были какие-то — я не помню теперь имен — пожилые великосветские люди, совершенно посторонние цензурному ведомству и полицейским учреждениям, контролировавшим цензурное ведомство. Они выписывали журналы, в том числе «Современник», но русских книг не покупали. Книга «Стихотворений Некрасова», если бы попала когда-нибудь в их руки, то очень не скоро, и цензура могла бы отвечать на их шум, что он неоснователен, что книга уж давно в обращении и вредных следствий от того никаких не произо-

шло; и контролирующее цензуру ведомство имело бы возможность подтвердить, что это так... Оно подтвердило бы, потому что, подобно всякому другому ведомству, не любило принимать назиданий от людей, не имеющих формального права делать ему выговоры. Но оно не могло дать отпора им, потому что не было единственного возможного отпора: «Это уж давно в руках публики, и время оправдало нашу мысль, что от этого не будет вреда». Итак, причиною бури было исключительно то, что я перепечатал в «Современнике» те три пьесы, и в частности перепечатка пьесы «Поэт и гражданин».

Беда, которую я навлек на «Современник» этою перепечаткою, была очень тяжела и продолжительна. Цензура очень долго оставалась в необходимости давать «Современник». — года три, — это наименьшее; а вернее будет думать, что вся дальнейшая судьба «Современника» шла под возбужденным моею перепечаткою впечатлением необходимости цензурного давления на него»

Кончилась эта история строжайшим выговором редакции «Современника» с предупреждением, что при первом подобном случае издание журнала будет запрещено. Некрасов же в течение четырех лет не мог добиться разрешения на второе издание книги «Стихотворений». Но он несколько не изменил своего отношения к Чернышевскому, продолжая считать его самым ценным сотрудником «Современника». В декабре того же года он писал Тургеневу: «Чернышевский просто молодец, помяни мое слово, что это будущий русский журналист, почище меня, грешного».

Когда через несколько месяцев он возвратился из-за границы и Чернышевский при первой встрече стал говорить ему о том, что допущенная им ошибка очень

много повредила «Современнику», то Некрасов без малейшей досады сказал ему: «Да, конечно, это была ошибка; вы не догадались подумать, что если я не поместил «Поэта и гражданина» в «Современнике», то, значит, находил это неудобным», — и больше уже никогда не возвращался в разговорах к этому случаю.

Письма Чернышевского к Некрасову (1856—1857 годов) показывают, с какой настойчивостью заботился он в отсутствие поэта об интересах «Современника», отдавая ему все свои силы и время, хотя личная жизнь его была омрачена тогда тяжелыми переживаниями.

Ольга Сократовна ожидала в это время второго ребенка. Горячо любя ее, Николай Гаврилович с мучительной тревогой думал о приближении родов, потому что врачи еще после рождения первенца предупредили его, что следующие роды могут закончиться для Ольги Сократовны смертельным исходом.

Выдержка и спокойствие, никогда не покидавшие прежде Николая Гавриловича, на этот раз оставили его. Он сам признавался потом Некрасову, что волнение, охватившее его с осени 1856 года, совершенно выбило его из колеи, спутало в голове все мысли и даже лишило способности писать: «Верите, двух слов не мог склеить по целым неделям, — раза два даже напивался пьян, что уже вовсе не в моих правилах».

Так в напряженном состоянии прожил он около четырех месяцев. 7 января следующего года Ольга Сократовна благополучно родила сына Виктора, и к Чернышевскому вернулся утраченный покой. С удивительной энергией погрузился он в дела «Современника».

Приход Добролюбова в журнал был как нельзя более своевременным. Чернышевский сразу угадал

в авторе статьи о «Собеседнике любителей российской словесности» своего будущего преемника по отделу литературной критики и библиографии. Сам он, освобождаясь от ведения этого отдела, получал возможность в ближайшем будущем заняться другими разделами журнала, которые считал еще более важными, — именно разделами политики, философии, истории, политической экономии. Он понимал, что эти разделы, остававшиеся до последнего времени без руководства, потребуют его деятельного участия, и у него уже созрел план перестройки «Современника» в соответствии с новыми задачами.

Прежде всего необходимо было, с его точки зрения, совершенно покончить с рутинной, избавиться решительно от всякого балласта, внести более живое содержание во все части журнала, поднять на надлежащую высоту научный отдел «Современника», находившийся в забвении из-за отсутствия сил.

Он предлагает бороться со всеми пережитками низкопоклонства перед буржуазным Западом, которое считал недостойным передового русского журнала. «Театры и новости парижские, отрывки из мелких журнальных иностранных статей и т. п. — все это никому ныне уже не нужно, — пишет он Некрасову. — Иностранных фельетонов не нужно в каждой книжке — обыкновенно это балласт».

Чернышевский предлагает заменить в научном отделе «Современника» переводные и компилятивные статьи хорошими оригинальными работами, сократить «смесь» в пользу наук, уничтожить «Моды». «Беллетристическая библиография, — говорит он, — была до сих пор главной; теперь нужно устранить ее на второй план и более писать о серьезных книгах живого содержания».

Он выражает сожаление, что «связался с Лессингом». Не потому, что избранная им фигура не заслуживала исследования. Нет, разумеется, а потому, что на очередь встали более близкие темы, касавшиеся насущных, современных вопросов о судьбах родного народа. «Все эти Лессинги, Краббы и т. п. были хороши два года тому назад». «Как только разделаюсь с Лессингом, стану писать постоянно о более живых предметах», — «говорить о чем-нибудь другом посовременнее». Правда, он писал свою большую монографическую работу о немецком просветителе (растянувшуюся на много месяцев) «с приноровлениями к нашим домашним обстоятельствам», но это уже не удовлетворяло его, казалось скучным, не достигающим цели, и он готов был оставить ее недоконченной или сократить, лишь бы только скорее перейти к животрепещущим темам.

Позиции Чернышевского в журнале укрепились. Теперь уже несколько его единомышленников — Добролюбов, Михайлов, Сераковский — сотрудничали в «Современнике».

Добролюбов с осени 1857 года всецело взял на себя ведение раздела критики и библиографии (хотя ему не исполнилось тогда еще и двадцати двух лет), Михайлов печатал свои оригинальные и переводные стихотворения, статьи, Сераковский составлял иностранные известия.

Некрасов по возвращении из-за границы, где он пробыл около года, с увлечением отдался редакционным заботам. Теперь наряду с Чернышевским ближайшим помощником его стал и Добролюбов. Еще при первом знакомстве с Добролюбовым Некрасов сказал Николаю Александровичу, что просит его писать в «Современнике», сколько успеет, чем больше, тем

лучше. Опытным редакторским взглядом поэт, сразу же оценив блестящие способности, обширные знания и цельность революционного мировоззрения молодого критика, привлек его к ближайшему участию во всех делах «Современника». Втроем намечали они программу каждого номера и разрабатывали всевозможные журнальные проекты. Мемуаристы отмечают как одну из главных особенностей Некрасова-редактора то, что он, не переставая зорко следить за своим журналом, предоставлял полную свободу своим помощникам в тех вопросах, в которых не считал себя вполне компетентным.

Либерально-дворянские писатели, сотрудничавшие в «Современнике» и продолжавшие поддерживать с Некрасовым дружеские отношения, с еще большим раздражением стали корить его и за приверженность к «мальчишке-семинаристу», как презрительно называли они Добролюбова, и за верность Чернышевскому, который уже становился признанным идейным руководителем журнала.

А. Я. Панаева, соединившая свою судьбу с Некрасовым и близко знавшая окружение поэта, вспоминала впоследствии, как настойчиво убеждали его Тургенев, Григорович и Анненков отречься от «публицистов-отрицателей». Но Некрасов все же не уступал либералам. Все его симпатии были на стороне Чернышевского, четко определившего политические позиции журнала в эпоху усиления освободительного движения, когда борьба за революционное преобразование страны стала главной задачей прогрессивного лагеря.

Ополчаясь против Чернышевского и Добролюбова, писатели-либералы тем не менее нередко вынуждены были признавать их огромную интеллектуальную и мо-

ральную силу, обширность их знаний. «Между сотрудниками «Современника», — пишет А. Панаева, — Тургенев был, бесспорно, самый начитанный, но с появлением Чернышевского и Добролюбова он увидел, что эти люди посерьезнее его знакомы с иностранной литературой. Тургенев сам сказал Некрасову, когда побеседовал с Добролюбовым:

— Меня удивляет, каким образом Добролюбов, недавно оставив школьную скамью, мог так основательно ознакомиться с хорошими иностранными сочинениями! И какая чертовская память!

— Я тебе говорил, что у него замечательная голова! — отвечал Некрасов. — Можно подумать, что лучшие профессора руководили его умственным развитием и образованием! Это, брат, русский самородок... утешительный факт, который показывает силу русского ума, несмотря на все неблагоприятные общественные условия жизни. Через десять лет литературной своей деятельности Добролюбов будет иметь такое же значение в русской литературе, как и Белинский».

Но не десятилетие, а гораздо меньший срок понадобился для того, чтобы великий соратник Чернышевского занял наряду с ним руководящее положение в русской литературе и оказал большое влияние на революционное движение той эпохи.

Нередко целые дни проводили Чернышевский и Добролюбов в квартире Некрасова за работой для «Современника». Квартира поэта, которую называли тогда «литературным подворьем», состояла из четырех комнат. Несмотря на то, что у Некрасова вечно толклись посетители, — знакомые и приятели поэта, а также литераторы, связанные с «Современником», — работа не приостанавливалась. Чернышевскому и Добролюбову нередко приходилось задерживаться у Не-

красова до поздней ночи, потому что то и дело возникала надобность посоветоваться друг с другом о спешных делах журнала.

Иногда по вечерам ближайшие сотрудники «Современника» сходились в кабинете редактора отдохнуть и побеседовать. Некрасов в такие минуты старался вызвать на разговор Чернышевского, который в незнакомом обществе обычно держался молчаливо, но в привычном кругу одушевлялся и говорил настолько увлекательно и живо, что сразу приковывал к себе общее внимание. Один из сотрудников «Современника» рассказывает, что в этих беседах Николай Гаврилович всегда поражал слушателей необыкновенным богатством знаний в любой отрасли науки. Стоя у камина и играя часовой цепочкой, он то рисовал картину жизни в будущем обществе, то подвергал глубокой критике устаревшие экономические системы, то доказывал неразрывную связь философии с естественными науками, то, переносясь в прошлое, рисовал сцены из жизни античного общества, из истории Французской революции или из эпохи Возрождения.

Еженедельно у Некрасова устраивались редакционные обеды, на которых собирались литераторы, сотрудничавшие в «Современнике». Чернышевский неохотно бывал на этих обедах: Некрасову почти всегда приходилось упрашивать его присутствовать, потому что никто, кроме Николая Гавриловича, не умел так искусно вести беседу с цензором их журнала. «Бедняжка цензор, — вспоминал Чернышевский, — конечно, играл тут, сам того не замечая, жалкую роль, и обыкновенно единственным усладителем его одиночества приятными разговорами являлся я; в исполнении этой роли и состоял для меня мотив бывать на этих обедах».

Однажды летним вечером на квартиру к Чернышевскому неожиданно явился застенчивый молодой человек, с неловкими манерами, в потертом костюме. В руках у него был клетчатый дорожный сак. Молодой человек оказался земляком Николая Гавриловича, с которым он изредка встречался прежде в Саратове. Это был тамошний помещик Павел Александрович Бахметев. Он рассказал Чернышевскому, что продал свое имение, все имущество и решил теперь навсегда покинуть Россию, хотя и горячо любит родину.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Бахметев пережил под влиянием социалистической литературы, в частности сочинений Герцена, сильный нравственный перелом и принял бесповоротное решение покончить с прежним образом жизни и отправиться на Маркизские острова с целью основать там земледельческую колонию типа коммуны, чтобы «жить с людьми по-братски» на «совершенно социальных основаниях». Он сказал Николаю Гавриловичу, что хочет заехать в Лондон к Герцену и передать ему значительную часть суммы, полученной от продажи своего имения, на дела русской пропаганды.

Прощаясь с Чернышевским, гость попросил проводить его, и они вышли вместе, продолжая разговор о планах Бахметева. Беседа их затянулась, и, сами того не замечая, они пробродили всю ночь, гуляя по набережной Фонтанки.

Бахметев хорошо запомнился Чернышевскому: некоторые черты биографии этого необычного человека послужили впоследствии Николаю Гавриловичу для создания образа Рахметова.

Много лет спустя, уже в Сибири, Чернышевский, рассказывая однажды товарищу по ссылке — Стахевичу — о своей встрече с Бахметевым, заметил:

— В своем романе я назвал особенного человека Рахметовым в честь именно вот этого Бахметева.

Лондонское свидание Бахметева с Герценом, передача им издателю «Колокола» 20 тысяч франков на дела пропаганды и отъезд Бахметева на Маркизские острова подробно описаны в «Былом и думах». Неизвестно, что случилось впоследствии с Бахметевым и удалось ли ему осуществить свой план основания коммуны.

